
Woman in Russian Society
2019. No. 3. P. 72—90
DOI: 10.21064/WinRS.2019.3.6

Женщина в российском обществе
2019. № 3. С. 72—90
ББК 88.26-723
DOI: 10.21064/WinRS.2019.3.6

НОРМЫ ЖЕНСКОГО ПОВЕДЕНИЯ: ТРАДИЦИОННАЯ И СОВРЕМЕННАЯ МОДЕЛИ

И. С. Клецина, Е. В. Иоффе

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Россия, irinaklyotsina@mail.ru

В результате анализа публикаций по гендерной проблематике авторы выделяют основные составляющие норм женского поведения, с опорой на которые описывают содержание традиционной нормативной модели ролевого женского поведения и современной модели. Нормативные предписания относительно ролевого женского поведения составляют три группы: нормы отношения женщин к замужеству и материнству, нормы поведения женщин в ситуациях межличностного взаимодействия, нормы заботы женщин о своей внешности. Раскрыто содержание гендерных феноменов, характеризующих те проблемы, с которыми сталкиваются женщины, демонстрирующие в своем поведении приверженность традиционным гендерным нормам: ролевой конфликт работающей женщины, страх материнства, всепоглощающее материнство, жертвенное материнство, синдром опустевшего гнезда, идеализация материнства, женский стиль коммуникации, эмоциональное донорство, синдром сэндвич-поколения, утрированная фемининность, доминантно-зависимая модель отношений, стратегия власти слабых, сексуальная объективация и самообъективация женщин. Дана характеристика некоторых поведенческих практик, способствующих реализации современной модели женского поведения, таких как достижение баланса семьи и работы, совместное родительство, партнерская модель отношений, забота о здоровом образе жизни.

Ключевые слова: гендерные нормы, нормы женского поведения, женская роль, традиционная модель норм женского поведения, современная модель норм женского поведения.

THE NORMS OF FEMALE BEHAVIOR: TRADITIONAL AND CONTEMPORARY MODELS

I. S. Kletsina, E. V. Ioffe

Herzen State Pedagogical University of Russia,
St. Petersburg, Russian Federation, irinaklyotsina@mail.ru

The article aims to extract major components of women's behavior norms from the analysis of theoretical publications in gender studies. Then on the basis of these norms the article describes a traditional normative model of female behavior and a contemporary model. The analysis of publications in gender studies has allowed to highlight three groups of normative prescriptions within female gender roles: norms of women's attitude to marriage

and motherhood, norms of female behavior during interpersonal communications, norms of women's care about their appearance. Gender phenomena are analyzed that characterize typical problems of women following traditional female norms: the conflict of roles of a working woman, fear of motherhood, all-consuming motherhood, sacrificial motherhood, syndrome of an empty nest, idealization of motherhood, female communication style, emotional donor syndrome, sandwich generation syndrome, exaggerated femininity, dominant-dependent relationship model, weak power strategy, sexual objectivation and self-objectivation of women. Some behavioral practices are highlighted that help to realize a contemporary model of female behavior. These phenomena include reaching work-family balance, joint parenting, partner relationship model, healthy lifestyle.

Key words: gender norms, norms of women's behavior, women's role, traditional model of female behavior norms, contemporary model of female behavior norms.

Гендерные нормы: общая характеристика

Представители разных социогуманитарных дисциплин на протяжении последних двух десятилетий активно изучают те изменения, которые происходят в сфере гендерных отношений. Интерес исследователей направлен не только на изучение реальных моделей гендерных отношений, но и на анализ тех индивидуальных характеристик, которые обуславливают новые поведенческие практики современных мужчин и женщин как субъектов разных социальных ролей. Наибольший интерес в работах ученых был проявлен к изучению гендерных представлений, стереотипов, установок как личностных характеристик мужчин и женщин, которые в определенной степени связаны с их социальным поведением и отношениями [Задворнова, 2014; Ковтун, Куперман, 2017; Нечаева, 2017; Ростовская, Заярская, 2017; Смирнова, 2005; Суркова, 2008; Торкунова, 2015]. Однако более значимую роль в регуляции поведенческих проявлений личности играет ценностно-нормативная система, в частности социальные и культурные нормы. Нормы и ценности как регуляторы поведения действуют на разных уровнях социальной реальности — в обществе, в группах, на уровне поведения отдельной личности. Нормы поведения позволяют мужчинам и женщинам как членам разных групп оценивать свои и чужие поступки, соотносить оцениваемые явления с эталонами, формировать и направлять собственное общение и взаимодействие. Другими словами, нормы мужского и женского поведения (гендерные нормы) имеют тесную взаимосвязь с гендерными отношениями, они определяют поведение и взаимодействие мужчин и женщин. В то же время конкретные практики поведения могут видоизменять нормативные гендерные предписания. Гендерные нормы — это правила, образцы поведения, стандарты деятельности мужчин и женщин как членов общества и представителей разных социальных групп [Клещина, Иоффе, 2017].

И. С. Кон, анализируя зависимость традиционных норм от изменений в ролевом поведении мужчин и женщин, подчеркивал: «Изменения в содержании и структуре гендерных ролей и идентичностей преломляются в социокультурных стереотипах, представлениях мужчин и женщин друг о друге и о себе» [Кон, 2011: 57].

Логика рассуждений подводит нас к мысли о том, что исследования, посвященные изучению тенденций трансформаций в сфере гендерных отношений, должны опираться на информацию о гендерных нормах. В качестве обоснования

могут быть использованы следующие соображения. *Во-первых*, гендерные нормы — это разновидность социальных норм. Подобно социальным нормам, гендерные нормы не являются простым отображением реального положения вещей, они определяют некоторые оптимальные стандарты деятельности и образцы поведения мужчин и женщин как членов общества и субъектов гендерных отношений, что облегчает личности выбор стратегий и моделей поведения.

Во-вторых, в гендерных нормах важную роль играет культурная составляющая. Это связано с тем, что нормы мужского и женского поведения формировались преимущественно на основе культурных обычаев, традиций, символов, а распространялись и закреплялись в общественном сознании с помощью средств массовой информации и продуктов культуры, среди которых большую роль играло народное творчество (мифы, сказки, песни). Поэтому трансформационные процессы в сфере гендерных отношений в значительной мере опосредованы распространенными в массовой культуре образцами мужского и женского поведения.

В-третьих, основная функция гендерных норм, объединяющая их с социальными нормами, связана с оценкой, регуляцией и контролем поведения. Гендерные нормы наряду с ценностями и традициями составляют социокультурное пространство, в котором находятся мужчины и женщины; транслируя предписания и запреты, нормы формируют представления мужчин и женщин о том, что считается должным, обязательным, желаемым, одобряемым, ожидаемым и отклоняемым.

В-четвертых, изучение гендерных норм позволяет прояснить специфику трансформаций в ролевом поведении современных женщин и мужчин, а категории «роль» и «статусная позиция» являются основными в анализе гендерных отношений. В гендерных нормах находят отражение идеалы и ценности, доминирующие в обществе в конкретный период времени в аспекте содержания социальных ролей мужчин и женщин. Под влиянием государственной гендерной политики определяются, конкретизируются социальные нормы и правила общественной жизни мужчин и женщин как представителей социальных групп [Клецина, Иоффе, 2017].

Процессы, происходящие в сфере гендерных отношений, актуализируют исследовательский интерес в направлении изучения отношения людей к изменяющимся гендерным нормам. Авторы сосредоточили свое внимание на изучении норм женского поведения. Как свидетельствуют результаты ряда исследований [Здравомыслова О., 2003; Кон, 2011; Ожигова, 2006; Тащёва, Киреева, 2011; Хоткина, 2016], женщины чаще мужчин демонстрируют новые модели ролевого поведения, которые изменяют существующие гендерные отношения. И. С. Кон подчеркивал: «В сфере производственных отношений происходит постепенно ускоряющееся разрушение традиционной системы гендерного разделения труда, ослабление дихотомизации и поляризации мужских и женских социально-производственных функций, ролей, занятий и сфер деятельности. Ведущей, динамической силой этого процесса являются женщины, которые быстро осваивают мужские профессии, сравниваются с мужчинами по уровню образования и т. д.» [Кон, 2002: 210].

Исследований, в которых изучаются именно гендерные нормы как социокультурные конструкты, отраженные в сознании современных людей, пока крайне мало, этим фактом и определяется выбор темы нашего исследования.

Цель статьи состоит в следующем: на основе анализа публикаций исследователей, занимающихся изучением гендерных проблем, определить составляющие нормативной модели женского поведения, которая находит отражение в ролевом поведении современных женщин.

В результате анализа теоретических и эмпирических публикаций социогуманитарной направленности, посвященных изучению основных характеристик женского поведения [Бегинина, Ивченков, Шахматова, 2018; Берн, 2008; Женщина новой России, 2002; Клецина, 2004; Клецина, Иоффе, 2017; Коннел, 2015; Нечаева, 2015], был выделен перечень норм, соответствующих *традиционной и современной (эгалитарной)* моделям женского поведения. Эти нормативные предписания были объединены в три группы: *нормы отношения женщин к замужеству и материнству, нормы поведения женщин в ситуациях межличностного взаимодействия, нормы заботы женщин о своей внешности.*

Традиционная модель норм женского поведения

В соответствии с *традиционной нормой отношения женщин к замужеству и материнству* от каждой женщины ожидается, что она должна создать семью, родить и воспитать детей. Женщина обязательно должна быть хорошей матерью, женой и хозяйкой, так как для нее свойственно проявлять заботу о близких людях, создавать и поддерживать теплую, доверительную атмосферу в семье, она должна быть готова жертвовать своими потребностями и интересами ради благополучия детей и других членов семьи. Женщина должна быть настроена на создание семьи, а не на карьеру, поскольку именно замужество и материнство составляют ее истинное счастье. Любая зрелая женщина, у которой нет своей семьи и детей, ориентируясь на традиционные нормы, как правило, будет чувствовать себя нереализованной и обделенной.

В *межличностном общении* традиционные нормы предписывают женщине *демонстрировать в поведении скромность, мягкость, сочувствие*, особенно это важно для выстраивания отношений с мужчинами. Женщина не должна стремиться к независимости, ей не следует открыто проявлять силу и власть; она не должна демонстрировать мужчине, что она умнее и способнее его. Каждой женщине необходимо покровительство сильного мужчины, в отношениях с которым ей следует проявлять отзывчивость и уступчивость, полагаясь на его опыт и знания. Женщина не должна соревноваться с мужчиной, она всегда должна оставаться на вторых ролях.

Третья группа норм женского поведения традиционного типа связана с высокой значимостью для женщины *привлекательной внешности*, которая представляет собой ресурс, капитал девушки, женщины, укрепляющий ее положение на «рынке невест» и эквивалентный социальным достижениям мужчины. Женщины должны ухаживать за своей внешностью и следить за фигурой, чтобы всегда хорошо выглядеть. Привлекательная внешность — это важное их преимущество, которое ценится окружающими, поэтому женщины обязаны делать все для того, чтобы быть привлекательными для других. Именно мужчины — основные ценители женской красоты и сексуальной привлекательности, поэтому женщины должны стремиться к тому, чтобы их внешность соответствовала мужским

ожиданиям, сформировавшимся под влиянием эталона красоты, транслируемого современными средствами массовой информации.

Традиционная модель женского поведения была адаптивна для патриархального общества, в котором социальные роли определялись половой принадлежностью человека, были четко заданы и комплементарны. Содержание «правильного» женского поведения, в котором реализованы традиционные нормы поведения, наглядно отражено в женских образах в художественной литературе и растиражировано в СМИ. Традиционная модель женского поведения всем знакома и понятна благодаря ее апробации и трансмиссии в процессе гендерной социализации многими поколениями.

Гендерные проблемы женщин, следующих традиционным нормам ролевого поведения, раскрыты через описание таких феноменов, как *ролевой конфликт работающей женщины, страх материнства, всепоглощающее материнство, жертвенное материнство, синдром опустевшего гнезда», идеализация материнства, женский стиль коммуникации, эмоциональное донорство, синдром сэндвич-поколения, утрированная фемининность, доминантно-зависимая модель отношений, стратегия власти слабых, сексуальная объективация и самообъективация женщин и др.*

Рассмотрим содержание обозначенных феноменов, характеризующих особенности женского поведения традиционного типа.

Женщины, ориентированные на традиционные нормы замужества и материнства, часто исполняют одновременно разные роли (родительская, супружеская, профессиональная и роль хозяйки) и переживают *ролевой конфликт работающей женщины*. Он возникает в связи с тем, что женщинам просто не хватает физических ресурсов для полноценного выполнения всех этих ролей. Они ежедневно находятся в конфликтной ситуации «дом — работа», что, естественно, отражается на психологическом самочувствии, удовлетворенности семейными отношениями и жизнью вообще. Многочисленные предписания-требования различных ролей вызывают у них комплекс субъективных негативных переживаний, сопровождаемых чувством вины по отношению к детям, мужу, работе [Алешина, Лекторская, 1989; Балабанова, 2005; Гаврилица, 1998].

Загруженность женщин домашними обязанностями уменьшает их способность зарабатывать, обуславливает худшие карьерные перспективы и меньшую мобильность, т. е. ограничивает их возможности в профессиональной сфере, что закрепляет экономическую зависимость женщин от мужей [Балабанова, 2005].

Материнство — один из наиболее гендерно-окрашенных аспектов жизни женщины. В системе традиционных норм одно из центральных мест занимает норма хорошего материнства, этому идеализированному эталону в реальной жизни практически невозможно соответствовать. Многие женщины начинают испытывать чувство вины, так как над ними довлеет репрессивный образ плохой матери. Ответственность за благополучие детей, возложенная исключительно на матерей, порождает у них комплекс переживаний под названием «Я плохая мать». Недостижимый идеал хорошей матери и тень плохой матери неотступно сопровождают их на протяжении всей жизни [Микляева, Румянцева, 2018; Шадрин, 2017].

Страх материнства — еще один комплекс негативных переживаний, присущих молодым матерям. Он выражается в боязни проявить некомпетентность в связи с отсутствием нужных умений и навыков. Нормативная модель материнства предполагает компетентное родительство, связанное с освоением широкого набора знаний в сфере детской физиологии и психологии. От матери ожидается освоение знаний обо всех особенностях развития ребенка, постоянный мониторинг его состояния, чтобы на основе полученной информации вовремя обратиться к экспертам в случае обнаружения первых признаков отклонения от нормы [Чернова, Шпаковская, 2016].

Большинство женщин демонстрируют безоговорочное согласие на *всепоглощающее материнство*, то есть посвящение себя нуждам ребенка 24 часа в сутки [Fох, 2001]. Беременность и уход за маленьким ребенком существенно понижают социальный статус женщины. Этот период в жизни связан с невозможностью реализации социальных ролей, непосредственно не связанных с материнством, поскольку у нее резко снижается автономия — экономическая и социальная независимость [Баллаева, 2015].

Для женщин, имеющих детей, особую значимость приобретает проблема совмещения материнства и работы. Часто они ищут более простую работу, которая приносит не столь значительный доход, но позволяет более эффективно совмещать занятость и материнство (менее интенсивный характер труда, более удобный график работы, близость к дому или детскому саду и т. д.). Женщины, имеющие перерывы в работе, связанные с рождением и воспитанием детей, медленнее продвигаются по карьерной лестнице, у них меньше, чем у мужчин, возможностей заработать достойную пенсию. «Материнство является причиной гендерно-обусловленной трансмиссии экономического неравенства на весь жизненный цикл женщины» [там же, 2015: 197].

Жертвенная позиция матерей прочно закреплена в общественном сознании благодаря художественной литературе, кинематографу и другим средствам информационного воздействия. Многие женщины, посвятившие себя семье и детям, очень остро переживают ситуацию отделения повзрослевших детей от семьи. Это явление в психологических публикациях описано как *синдром опустевшего гнезда* [Варга, 2001; Губарева, Миронова, 2017; Олифиревич и др., 2008]. Когда дети начинают самостоятельную жизнь, матери, утратившие необходимость повседневной заботы о них, переживают чувство ненужности, пустоты и отчуждения. Казалось бы, для родителей таких детей наступает время, чтобы «пожить для себя», но, как правило, именно матери оказываются в ситуации утраты привычных жизненных смыслов и целевых ориентиров. В качестве защитного механизма многие матери демонстрируют в разной степени выраженное и осознанное стремление вернуть детей в лоно семьи, чтобы по-прежнему ощущать себя в роли заботливой матери, всегда поддерживающей своего ребенка, и удовлетворять свою потребность во влиянии на его жизнь [Сапогова, 2017].

Наряду с подчеркиванием широкого спектра положительных эмоциональных состояний женщин, связанных с материнством (радость материнства, безграничная материнская любовь и всепрощение), исследователи пишут о связи последнего с опытом рутинной, однообразной жизни, следствием которой является

раздражительность, усталость, тревожность и снижение самооценки [Окаева, 2017]. Идеология всепоглощающего материнства как идеология традиционных ценностей закрепляет за женщинами двойную нагрузку в качестве данной от природы необходимости. В контексте этих ценностных ориентиров незамужние и/или карьерно-ориентированные женщины оцениваются как декомпенсированные в личном плане, замещающие семейный уют успешностью вне дома [Шишелякина, 2015].

Сторонники традиционной семейной идеологии культивируют *идеализацию материнства*, тем самым жестко разграничивая родительские роли семейных партнеров и закрепляя гендерное неравенство. При таких установках приобретение материнского статуса усугубляет гендерное неравенство, усиливает зависимость женщины от брачного партнера и восстанавливает традиционное разделение труда между мужем и женой [Fox, 2001].

Идеализация материнства в обществе в целом препятствует осознанию фактов жестокого обращения матерей с детьми и их использования, а также удовлетворения с их помощью собственных мстительных тенденций [Уэллдон, 2016]. В некоторых случаях материнство настолько обостряет проблемы женщин, связанные с прошлым опытом, что они становятся не в состоянии с ними справиться. В результате с удовлетворением и счастьем, связанными с появлением детей, иногда приходят пугающие чувства отчаяния, уныния и несостоятельности, которые могут легко превратиться в ненависть, направленную на ребенка. С результатами этой оборотной стороны идеализации материнства приходится иметь дело практикующим психологам и психотерапевтам.

Традиционные нормы женского поведения в межличностных отношениях предписывают женщинам проявлять черты «хорошей девочки»: послушание, уступчивость и готовность помочь [Эрхардт, 2003]. В процессе социализации девочек приучают нравиться, быть приветливыми и покладистыми, в результате у многих формируется страх быть осуждаемой и отвергнутой в случае проявления «неженственного» поведения: независимости, уверенности в себе, самодостаточности.

«Женский стиль» коммуникации проявляется в установке на кооперацию и равенство, сглаживание конфликтов, использование «безвластного языка» [Кирилина, 2004: 132—133]. Находясь в обществе, женщины чаще мужчин улыбаются и склонны проявлять конформность. Они скромнее представляют себя и реже демонстрируют свой высокий статус и власть. По сравнению с мужчинами женщины менее склонны к визуальному доминированию. Обычно они уменьшают визуальный контакт, когда говорят сами, и сосредоточивают внимание на собеседнике, когда слушают [Чалдини и др., 2002].

Забота о семье и близких людях — важная характеристика «правильного» женского поведения. Широко распространены нормативные социокультурные установки, в соответствии с которыми женщина должна быть вовлечена во все события жизни близких людей, должна жить их интересами и увлечениями, принимать активное участие в их судьбе. Именно от женщины ожидается, что, благодаря таким качествам, как включенность в личные отношения, контактность, склонность к эмоциональной близости, сострадательность, она будет выступать *эмоциональным донором* для всех членов семьи.

Традиционные гендерные нормы определяют заботу как долг женщины. Забота о других людях — это одна из форм (не)оплачиваемого труда, включающая определенные усилия физического, интеллектуального, эмоционального характера с целью удовлетворения потребностей других людей. Забота понимается прежде всего как женская повседневная практика, реализуемая в рамках семейных отношений. Поведение женщины, которое не соответствует нормативным ожиданиям по поводу ее готовности посвящать всю себя заботе о членах семьи, осуждается. Женщин обвиняют в неспособности сохранять благоприятный климат семейных отношений, в неумении идти на уступки в ситуациях супружеских конфликтов, в нежелании посвятить себя семье вместо карьеры [Здравомыслова Е., Темкина, 2015: 381—383].

Многие женщины в возрасте между 45 и 65 годами оказываются «зажатыми» между обязанностями обеспечивать детей и ухаживать за пожилыми родственниками, зачастую продолжая при этом работать в сфере оплачиваемого труда. Этот феномен в литературе описывается как *синдром сэндвич-поколения* (*sandwich generation*) [Miller, 1981; Parker, Patten, 2013; Pierret, 2006]. Считается, что женщина должна проявлять заботу о заболевших и пожилых членах семьи. Именно ей приписывается главная роль в организации заботы в отношении зависимых членов семьи. Она может делегировать другим обязанности по обеспечению ухода, но все же главная ответственность лежит на ней. В России из-за недостаточной институциональной поддержки для баланса ролей и обязательств [Новый быт, 2009: 249] эффект от синдрома сэндвич-поколения проявляется особенно жестко. Вовлеченность во множественную заботу представляет собой тяжелую жизненную ситуацию: возрастает физическая нагрузка и психологическое напряжение из-за невозможности принадлежать себе; возникает состояние эмоциональной депривации из-за сопровождения болезни, старости; учащаются конфликты в семье.

Существующие в обществе нормативные представления о мужественности ориентируют мужчин на проявление таких особенностей поведения, как напористость, целеустремленность, активность, демонстрация силы и уверенности в себе, умение добиться своих целей, настоять на своем, для чего допускается проявление директивности и даже агрессии. Комплементарной такой модели мужского поведения является *модель утрированной фемининности* [Коннел, 2015], главный элемент которой — согласие с зависимым статусом в отношениях и доминированием мужчин.

Неработающие женщины, находящиеся в экономической зависимости от своих мужей или партнеров, нередко сталкиваются с ситуацией экономического насилия. Экономическое насилие в семье не расценивается в обществе как девиантное поведение, так как оно полностью соответствует распространенному традиционному гендерному стереотипу мужчины-кормильца [Баллаева, 2015]. *Доминантно-зависимую модель* отношений имеет смысл рассматривать в качестве предиктора проявления насилия в близких отношениях между мужчинами и женщинами.

Принимая свое зависимое положение и следуя общепринятым гендерным предписаниям, женщины часто используют различные *стратегии власти слабых* [Здравомыслова Е., Темкина, 2009], опираясь на ресурсы заботы и эротического манипулирования, а также используя эмоциональную депривацию в качестве

рычага воздействия на близких. Э. Эриксон отмечал, что «женщина на протяжении всей истории (по крайней мере, в эпоху патриархата) соглашалась на роли, позволяющие эксплуатировать заложенный в ней мазохизм: она соглашалась на замкнутую и неподвижную жизнь, позволяла поработать себя и превращать в инфантильное существо. Ею торговали, ее эксплуатировали, в лучшем случае она получала взамен то, что мы в психологии называем вторичной выгодой, — возможность косвенно на что-то влиять» [Эриксон, 1996: 297—298].

Между тем известно, что выполнение семьей своих репродуктивных функций зависит, в первую очередь, от стабильности и устойчивости брака, т. е. от его качественных характеристик [Римашевская, 2016].

Традиционные нормы отношения к собственной внешности ориентируют женщин на сверхценное отношение к своей внешней привлекательности. В процессе социализации внешность девочек часто выступает предметом оценивания («Как ты выглядишь? Ты же девочка!», «Какое красивое платье!», «Красотка!»), что формирует привычку постоянно следить за своей внешностью и ведет к *самообъективации*.

Для тех женщин, которые усвоили установку смотреть на себя глазами других, забота о собственной привлекательности становится самоцелью. Они готовы тратить разного рода ресурсы (время, деньги, энергия) на заботу о своей внешности. Реклама, конкурсы красоты, предложения специалистов «бьюти-индустрии» усиливают эти установки. В соответствии с ними женщины рассматривают свою внешность как некую ценность, капитал, который предполагает вложения, размещение и получение дивидендов. С возрастом чрезмерная приверженность женщин этой гендерной норме подкрепляется ростом тревоги и комплексами, возникающими в процессе сравнения себя с экранными эталонами. Результатом самообъективации у многих женщин является возникновение симптомов ухудшения психического здоровья, например депрессии, расстройства пищевого поведения, сексуальных дисфункций [Szymanski at al., 2011].

Н. Вульф подчеркивает, что женщины легко поддаются воздействию мифа о красоте, который заставляет их «жить с поникшей головой, концентрируясь на своей внешности и поднимая взгляд только для того, чтобы увидеть свое собственное отражение в глазах мужчин» [Вульф, 2013: 227]. В свою очередь, установка мужчин на восприятие и оценивание женщин преимущественно в качестве объектов сексуального интереса — *сексуальная объективация* — снижает готовность взаимодействовать с ними как с равными партнерами, признавая за ними лидерство, тем более принимая их в роли руководителей. Сексуальная объективация нивелирует значение символического капитала, которым обладает женщина в результате полученного образования, профессиональной карьеры и достигнутого социального статуса [Иоффе, 2017].

Современная модель норм женского поведения

Сегодня социальные роли не являются жестко заданными и предоставляют возможности выбора из довольно широкого набора культурных образцов. Содержательное наполнение роли является результатом решения личности на основе доступных ресурсов, собственных интересов и вкусов. Современные

мужчины и женщины принимают решения, связанные с образованием, профессией, семьей, стилем жизни, ориентируясь на свои предпочтения, а не на традиции и общепринятые гендерные предписания [Исупова, Кон, 2009]. В современных условиях разрушения традиционной системы гендерного разделения труда (между мужем-кормильцем и женой-хозяйкой) и возрастания доли женщин, занятых в профессиональной сфере, востребованы новые правила взаимодействия мужчин и женщин как на рабочих местах, так и в семье. В парных отношениях в качестве нормы начинает преобладать ориентация на субъект-субъектные отношения, равное партнерство и создание условий для личностного развития каждого. Главными чертами взаимодействия мужчин и женщин вместо *иерархичности* статусных позиций и *взаимодополнительности* ролей, характерных для традиционной модели, становятся *эгалитарность* и *взаимозаменяемость* в ролевом поведении.

Новая — *современная (эгалитарная)* — модель женского поведения не имеет такой длинной истории формирования, как традиционная. И в художественной литературе, и в научных публикациях этой модели пока уделяется мало внимания. Тем не менее анализ гендерно-ориентированных научных публикаций позволяет раскрыть ее основные содержательные характеристики [Исупова, Кон, 2009; Поливанова, 2015; Семенова, Кожина, 2014; Сэндберг, 2017].

В соответствии с эгалитарными нормативными предписаниями, касающимися *отношения женщины к замужеству и материнству*, их ценность не теряет своей высокой значимости для современной женщины, однако материнством и замужеством не исчерпывается смысл ее жизни. Современное материнство не требует от женщины посвящать ребенку «всю себя» 24 часа в сутки, она должна иметь возможность проявлять себя в других социальных ролях (профессионал, подруга, жена, дочь и др.). Материнство должно стать «одной из сторон жизни» тех женщин, которые захотят иметь детей [Исупова, Кон, 2009].

Содержание эгалитарных гендерных норм базируется на утверждении о том, что самореализация в профессиональной сфере для женщины так же значима, как и для мужчины. Поэтому ее поведение в роли матери и жены в соответствии с современной нормативной моделью должно быть ориентировано на *достижение баланса семьи и работы* [Чернова, 2012; Штроо, Козьяк, 2015]. Материнство понимается не как частная ответственность матери, а в рамках *равной ответственности двух родителей*.

Проблема перегрузки из-за множественности ролей: супруги, хозяйки, матери, работницы — может решаться через *распределение семейных обязанностей* между партнерами и привлечение профессиональных помощников. Государство должно создавать условия для поддержки работающих родителей, которые позволят наиболее оптимальным образом сочетать трудовые и семейные обязанности [Гнедаш и др., 2014]. Карьерно-ориентированным матерям важно заручиться поддержкой мужа, родных и друзей, чтобы справляться с обеими задачами. В уходе за ребенком для матерей нормой становится не брать всю ответственность на себя, а стремиться к *совместному родительству*, основанному на принципах сотрудничества и равном участии матери и отца.

В *межличностном общении эгалитарность* проявляется в признании ценности личности и уникальности вклада каждого из участников взаимодействия.

Решение множества разносторонних задач, выходящих за пределы семейной сферы, требует от современных женщин постоянного личностного развития и профессионального совершенствования. Женщинам, ориентированным на современные нормативные предписания, необходимо повышать уровень самоорганизации и адекватности самооценки, формировать реалистичный уровень притязаний, учиться конструктивно разрешать возникающие конфликты.

Современные гендерные нормы ориентируют пары на *партнерскую модель отношений*. Противоположная доминантно-зависимой, партнерская модель отношений характеризуется тем, что это отношения двух равноправных субъектов, каждый из которых обладает собственной ценностью. Индивидуализированные цели каждого не мешают принимать во внимание цели и интересы другой стороны. Основой таких отношений является согласование позиций и устремлений между партнерами. Особенностью общения и взаимодействия является уважительность и корректность, умение поставить себя на место своего партнера, вникнуть в его проблемы и ситуацию [Клецина, 2004]. Отношения строятся на взаимоуважении и доверии; в них нет основанных на чувстве собственности проявлений ревности, унижающих партнера и ущемляющих его чувство собственного достоинства.

По мнению Э. Гидденса, многие современные молодые пары стремятся к партнерской модели отношений. Он считает, что современный брак развивается в направлении «*чистых отношений*», или «отношений в их чистом виде», в которые пара вступает «ради того, что может быть извлечено каждой личностью из поддерживаемой ассоциации с другим, и которые продолжаются до тех пор, пока обе стороны получают достаточно удовлетворения, чтобы сохранять их» [Гидденс, 2004: 80]. Такое партнерство является особым типом интимного союза, основанного на взаимном выборе и предпочтениях партнеров, поскольку оно является открытым проектом, включающим «комплекс взаимодействий, который требует постоянных переговоров и “работы над собой”» [там же: 36].

Партнерская модель отношений может реализовываться и в официально зарегистрированном браке, и различных вариантах сожительства с детьми и без детей. Если традиционная модель взаимодействия в семейной паре построена на ролевой адаптации, а ответственность за психологический климат возложена на женщину, то партнерская модель основана на отношениях, в центре которых не только уважение друг к другу, привязанность и любовь, но которые сохраняются благодаря участию обоих партнеров в обсуждении различных ситуаций, соглашений и сознательно выбранных обязательствах.

Исследователи подчеркивают, что для современных молодых мужчин и женщин отношения не сводятся к семейным ролям мужа и жены, предписанным институтом традиционного брака, и представляют особую ценность. Отношения создаются и поддерживаются исходя из индивидуальных потребностей партнеров, их представлений о совместной жизни. Они возникают как «итог целенаправленной деятельности партнеров, связанной с эмоциональной работой, работой по самоконтролю и самоограничению» [Чернова, Шпаковская, 2010: 29].

В соответствии с эгалитарными гендерными нормами *внешность женщины* представляет такую же ценность, как и внешность мужчины — значение имеет умение подчеркнуть индивидуальность, найти свой неповторимый образ.

В современном мире женщины вступают в конкурентные отношения не только с женщинами за внимание мужчин, для чего большое значение имеет привлекательная внешность, но также сотрудничают и соперничают с мужчинами на рабочих местах, где гораздо больше ценятся личные качества и профессиональные достижения. Современные женщины предпочитают быть привлекательными, чтобы в первую очередь нравиться себе и чувствовать себя уверенно, создавая свой неповторимый образ. Сегодня, в условиях увеличения продолжительности жизни, в уходе за внешностью и у женщин, и у мужчин преобладают практики *заботы о здоровом образе жизни*, сбалансированном питании и поддержании оптимальной физической формы.

Итак, в основе *традиционной модели норм женского поведения* можно обнаружить принцип гендерного неравенства и двойных стандартов в оценке женского поведения: ограничение самореализации женщины исключительно материнством и семейными заботами; обесценивание женщин, не имеющих детей; побуждение к зависимости и подчиненности женщин в отношениях с мужчинами; осуждение проявления их активности в отстаивании своих взглядов и убеждений; формирование у них комплексов по поводу внешности, не соответствующей эталону красоты, навязанному индустрией моды, и ориентация на заботу о своей внешности ради сохранения мужского внимания.

Современная модель норм женского поведения отрицает неравенство в ролевом поведении и статусных позициях мужчин и женщин. В современной жизни в сфере гендерных отношений ведущей нормой становится ориентация на равное партнерство. Эгалитарная модель норм женского поведения базируется на идее о равноценности женских и мужских социальных ролей в семье и в обществе. Женские роли в семье не отличаются от мужских, потому что роли между мужем и женой не разделены, а взаимозаменяемы. В центр семейной жизни выдвигаются отношения любви и заботы о самореализации и развитии всех членов семьи.

Исследования представлений о гендерных нормах, семейных и гендерных ролях современных молодых мужчин и женщин показывают, что женщины достоверно отличаются большей свободой во взглядах на семейные отношения и эгалитарностью в ролевых притязаниях по отношению к партнеру [Истратова, Эксакусто, 2017]. Анализ результатов исследований представлений и нормативных ожиданий в молодежной среде, касающихся ролевого поведения мужчин и женщин, свидетельствует о том, что в целом для большей части опрошенных юношей и девушек характерен смешанный вариант гендерных норм, включающий ориентацию и на традиционную, и на эгалитарную модели поведения [Ковтун, Куперман, 2017; Нечаева, 2015].

Библиографический список

- Алешина Ю. Е., Лекторская Е. В. Ролевой конфликт работающей женщины // Вопросы психологии. 1989. № 5. С. 80—88.
- Балабанова Е. С. Домашний труд как символ гендера и власти // Социологические исследования. 2005. № 6. С. 109—120.
- Баллаева Е. А. Устойчивость современной семьи в России и гендерные отношения // Настоящее и будущее семьи в меняющемся мире. М.: Экон-Информ, 2015. С. 193—200.

- Бегина И. А., Ивченков С. Г., Шахматова Н. В. Гендерные стереотипы современной провинциальной молодежи: опыт социологического измерения // *Женщина в российском обществе*. 2018. № 1. С. 19—29.
- Берн Ш. Гендерная психология. Законы мужского и женского поведения. СПб.: Прайм-Еврознак, 2008. 320 с.
- Варга А. Я. Системная семейная психотерапия. СПб.: Речь, 2001. 144 с.
- Вульф Н. Миф о красоте: стереотипы против женщин. М.: Альпина нон-фикшн, 2013. 445 с.
- Гаврилица О. А. Чувство вины у работающей женщины // *Вопросы психологии*. 1998. № 4. С. 65—70.
- Гидденс Э. Трансформация интимности. СПб.: Питер, 2004. 208 с.
- Гнедаш А. А., Степанова Е. А., Тезадова Д. А. Стратегии и технологии взаимодействия семьи и государства в условиях формирующегося постинформационного общества: (обзор зарубежного опыта) // *Женщина в российском обществе*. 2014. № 4. С. 23—31.
- Губарева Е. А., Миронова О. И. Социально-психологические условия преодоления одинокой матерью кризиса «опустевшего гнезда» // *Ученые записки Российского государственного социального университета*. 2017. Т. 16, № 5 (144). С. 127—134.
- Женщина новой России: какая она? Как живет? К чему стремится? / под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2002. 168 с.
- Задворнова Ю. С. Дифференциация домашнего труда в российской семье: гендерные стереотипы и современные тенденции // *Женщина в российском обществе*. 2014. № 1. С. 51—58.
- Здравомыслова Е., Темкина А. Ушел ли в прошлое патриархат? Специфическая власть «слабого пола» // *Гендер для «чайников» — 2* / под ред. И. Тартаковской. М.: Звенья, 2009. С. 25—42.
- Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. 12 лекций по гендерной социологии: учебное пособие. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2015. 768 с.
- Здравомыслова О. М. Семья и общество: гендерное измерение российской трансформации. М.: Едиториал УРСС, 2003. 152 с.
- Иоффе Е. В. Сексуальная объективация женщин как препятствие в достижении гендерного равенства // *Сила слабых: гендерные аспекты взаимопомощи и лидерства в прошлом и настоящем: материалы Десятой Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 7—10 сентября 2017 г., Архангельск: в 3 т. / отв. ред. Н. Л. Пушкарева, Т. И. Трошина. М.: ИЭА РАН, 2017. Т. 3. С. 169—172.*
- Истратова О. Н., Эксакусто Т. В. Представления о гендерных и семейных ролях современных молодых мужчин и женщин // *European Social Science Journal*. 2017. № 7. С. 391—400.
- Исупова О. Г., Кон И. С. Материнство и отцовство: социологический очерк // *Гендер для «чайников» — 2* / под ред. И. Тартаковской. М.: Звенья, 2009. С. 113—135.
- Кирилина А. В. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2004. 252 с.
- Клецина И. С. Психология гендерных отношений: теория и практика. СПб.: Алетейя, 2004. 408 с.
- Клецина И. С., Иоффе Е. В. Гендерные нормы как социально-психологический феномен. М.: Проспект, 2017. 144 с.
- Ковтун Г. С., Куперман А. А. Гендерные представления современной студенческой молодежи: (на материале г. Владивостока) // *Женщина в российском обществе*. 2017. № 1. С. 53—63.

- Кон И. С. История и теория «мужских исследований» // Гендерный калейдоскоп: курс лекций / под общ. ред. М. М. Малышевой. М.: Academia, 2002. С. 188—242.
- Кон И. С. Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революции // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14, № 1. С. 51—65.
- Коннел Р. Гендер и власть: общество, личность и гендерная политика. М.: Новое лит. обозрение, 2015. 432 с.
- Микляева А. В., Румянцева П. В. «#Онажемать»: имплицитные социальные представления о материнстве в современном интернет-дискурсе // Женщина в российском обществе. 2018. № 1. С. 67—77.
- Нечаева Н. А. Гендерные роли // Семья в России и Китае: процесс модернизации / под ред. И. И. Елисеевой, А. Сюй. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 327—351.
- Нечаева Н. А. Гендерные идеалы молодежи (1999—2014) // Петербургская социология сегодня. СПб.: Нестор-История, 2017. Вып. 8. С. 160—178.
- Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2009. 524 с.
- Ожигова Л. Н. Психология гендерной идентичности. Краснодар: Куб. гос. ун-т, 2006. 290 с.
- Окаева Я. И. Инста-мама как новая социокультурная реальность // Семья и современный социум / под общ. и науч. ред. В. Л. Ситникова, С. А. Бурковой, Э. Б. Дунаевской. СПб.: Соц.-гуманит. знание, 2017. С. 163—170. (Сер.: Семья и дети в современном мире).
- Олифирович Н. И., Зинкевич-Куземкина Т. А., Велента Т. Ф. Психология семейных кризисов. СПб.: Речь, 2008. 360 с.
- Поливанова К. Н. Современное родительство как предмет исследования // Психологическая наука и образование. 2015. Т. 7, № 3. С. 1—11. URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/163851203> (дата обращения: 10.08.2018).
- Римашевская Н. М. Инновации, реформы и логика гендерного воспроизводства // Женщины России, XXI век: гендерные исследования: сборник материалов. М.: Экон-Информ, 2016. С. 9—20.
- Ростовская Т. К., Заярская Г. В. Семейные установки и семейные практики в современной российской студенческой среде // Женщина в российском обществе. 2017. № 1. С. 75—85.
- Сапогова Е. Е. «Непустеющие гнезда»: родительские семьи с «детьми-бумерангами» // Семья и современный социум / под общ. и науч. ред. В. Л. Ситникова, С. А. Бурковой, Э. Б. Дунаевской. СПб.: Соц.-гуманит. знание, 2017. С. 170—176. (Сер.: Семья и дети в современном мире).
- Семенова Л. Э., Кожина Е. В. Нетрадиционные подходы к исследованию родительства // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 10. С. 188—194.
- Смирнова А. В. Представления школьников и студентов о гендерных ролях мужчин и женщин в современном российском обществе // Женщина в российском обществе. 2005. № 1—2. С. 26—33.
- Суркова И. Ю. Гендерные стереотипы в повседневных армейских практиках // Социологические исследования. 2008. № 12. С. 104—111.
- Сэндберг Ш. Не бойся действовать: женщины, работа и воля к лидерству: пер. с англ. М.: Альпина Паблшер, 2017. 284 с.
- Тацёва А. И., Киреева Л. Е. Ролевое поведение супругов «двухкарьерного» брака // Российский психологический журнал. 2011. Т. 8, № 4. С. 44—55.
- Торкунова О. И. Нарративные биографические интервью как метод изучения гендерной социализации и гендерных установок // Перспективы науки и образования. 2015. № 4. С. 172—183.

- Уэллдон Э. В. Мать. Мадонна. Блудница: идеализация и обесценивание материнства. М.: Перо, 2016. 204 с.
- Хоткина З. А. Позитивные изменения жизни россиянок в XXI веке // Женщины России, XXI век: гендерные исследования: сборник материалов. М.: Экон-Информ, 2016. С. 21—28.
- Чалдини Р., Кеңрик Д., Нейсберг С. Социальная психология. Пойми себя, чтобы понять других! СПб.: Прайм-Еврознак, 2002. 256 с.
- Чернова Ж., Шпаковская Л. Молодые взрослые: супружество, партнерство и родительство. Дискурсивные предписания и практики в современной России // *Labogatorium: журнал социальных исследований*. 2010. № 3. С. 19—43.
- Чернова Ж. В. Баланс семьи и работы: политика и индивидуальные стратегии матерей // *Журнал исследований социальной политики*. 2012. Т. 10, № 3. С. 295—308.
- Чернова Ж. В., Шпаковская Л. Л. Профессионализация родительства: между экспертным и обыденным знанием // *Журнал исследований социальной политики*. 2016. Т. 14, № 4. С. 521—534.
- Шадрина А. Дорогие дети. Сокращение рождаемости и рост «цены» материнства в XXI веке. М.: Новое лит. обозрение, 2017. 392 с.
- Шишелякина А. Л. Фемининность в дискурсивном пространстве российского истеблишмента // *Женщина в российском обществе*. 2015. № 1. С. 62—70.
- Штроо В. А., Козяк А. А. Личностный смысл баланса между работой и личной жизнью // *Мир психологии*. 2015. № 3. С. 253—267.
- Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
- Эрхардт У. Хорошие девочки отправляются на небеса, а плохие — куда захотят, или Почему послушание не приносит счастья / пер. с нем. Е. Файгель. М.: Независимая фирма «Класс», 2003. 176 с.
- Szymanski D. M., Moffitt L. B., Carr E. R. Sexual objectification of women: advances to theory and research // *The Counseling Psychologist*. 2011. № 39 (1). P. 6—38.
- Fox B. The formative years: how parenthood creates gender // *Canadian review of sociology and anthropology*. Toronto, 2001. Vol. 38, № 4. P. 30—42.
- Miller D. The «sandwich» generation: adult children of the aging // *Social Work*. 1981. Vol. 26, № 5. P. 419—423.
- Parker K., Patten E. The sandwich generation rising financial burdens for middle-aged // *Pew Research. Social & Demographic Trends*. 2013. URL: <http://www.pewsocialtrends.org/2013/01/30/the-sandwich-generation/> (дата обращения 24.07.2018).
- Pierret C. Sandwich generation: women caring for parents and children // *Monthly Labor Review*. 2006. Vol. 129 (September). P. 3—9.

References

- Aleshina, Iu. E., Lektorskaia, E. V. (1989) Rolevoi konflikt rabotaiushchei zhenshchiny [Role conflict of a working woman], *Voprosy psikhologii*, no. 5, pp. 80—88.
- Balabanova, E. S. (2005) Domashniĭ trud kak simvol gendera i vlasti [Domestic work as a symbol of gender and power], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 6, pp. 109—120.
- Ballaeva, E. A. (2015) Ustoichivost' sovremennoi sem'i v Rossii i gendernye otnosheniia [The stability of the modern family in Russia and gender relations], in: *Nastoiashchee i budushchee sem'i v meniaiushchemsia mire*, Moscow: Ékon-Inform, pp. 193—200.
- Beginina, I. A., Ivchenkov, S. G., Shakhmatova, N. V. (2018) Gendernye stereotipy sovremennoi provintsial'noi molodëzhi: opyt sotsiologicheskogo izmereniia [Gender stereotypes of modern provincial youth: experience of sociological dimension], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 19—29.

- Bern, Sh. (2008) *Gendernaia psikhologiya. Zakony muzhskogo i zhenskogo povedeniia* [Gender psychology. The laws of male and female behavior], St. Petersburg: Präm-Evroznak.
- Chaldini, R., Kenrik, D., Neišberg, S. (2002) *Sotsial'naia psikhologiya. Poïmi sebïa, chtoby poniat' drugikh!* [Social psychology. Understand yourself to understand others!], St. Petersburg: Präm-Evroznak.
- Chernova, Zh., Shpakovskaia, L. (2010) Molodye vzroslye: supruzhestvo, partnerstvo i roditel'stvo. Diskursivnye predpisaniiia i praktiki v sovremennoi Rossii [Young adults: marriage, partnership and parenthood. Discursive prescriptions and practices in modern Russia], *Laboratorium: Zhurnal sotsial'nykh issledovaniï*, no. 3, pp. 19—43.
- Chernova, Zh. V. (2012) Balans sem'i i raboty: politika i individual'nye strategii materei [Balance of family and work: policy and individual strategy of mothers], *Zhurnal issledovaniï sotsial'noi politiki*, vol. 10, no. 3, pp. 295—308.
- Chernova, Zh. V., Shpakovskaia, L. L. (2016) Professionalizatsiia roditel'stva: mezhdû ekspertnym i obydnym znanïem [Professionalization of parenthood: between expert and everyday knowledge], *Zhurnal issledovaniï sotsial'noi politiki*, vol. 14, no. 4, pp. 521—534.
- Èrikson, È. (1996) *Identichnost': iunost' i krizis* [Identity: youth and crisis], Moscow: Progress.
- Èrkhardt, U. (2003) *Khoroshie devochki otpravliaiutsia na nebesa, a plokhie — kuda zakhotiat, ili Pochemu poslushanie ne prinosit shchast'ia* [Good girls go to heaven, and bad girls — where will want, or Why obedience does not bring happiness], Moscow: Neza-visimaia firma "Klass".
- Fox, B. (2001) The formative years: How parenthood creates gender, *Canadian review of sociology and anthropology*, Toronto, vol. 38, no. 4, pp. 30—42.
- Gavrilitsa, O. A. (1998) Chuvstvo viny u rabotaiushchei zhenshchiny [A sense of guilt for working woman], *Voprosy psikhologii*, no. 4, pp. 65—70.
- Giddens, E. (2004) *Transformatsiia intimnosti* [The transformation of intimacy], St. Petersburg: Piter.
- Gnedash, A. A., Stepanova, E. A., Tezadova, D. A. (2014) Strategii i tekhnologii vzaimodeistviia sem'i i gosudarstva v usloviakh formiruiushchegosia postinformat-sionnogo obshchestva: (Obzor zarubezhnogo opyta) [Strategies and technologies of interaction between the family and the state in the emerging post-information society: (Review of foreign experience)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 23—31.
- Gubareva, E. A., Mironova, O. I. (2017) Sotsial'no-psikhologicheskie usloviia preodoleniia odinokoi mater'u krizisa "opustevshego gnezda" [Socio-psychological conditions for overcoming the crisis of the "empty nest" by a single mother], *Uchënye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta*, vol. 16, no. 5 (144), pp. 127—134.
- Ioffe, E. V. (2017) Seksual'naia ob"ektivatsiia zhenshchin kak prepiatstvie v dostizhenii gendernogo ravenstva [Sexual objectification of women as an obstacle to achieving gender equality], in: Pushkareva, N. L., Troshina, T. I. (eds), *Sila slabykh: gendernye aspekty vzaimopomoshchi i liderstva v proshlom i nastoiashchem: Materialy Desiatoi Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii RAIZhI i IËA RAN, 7—10 sentiabria 2017 g.*, Arkhangel'sk: in 3 vols, vol. 3, Moscow: IËA RAN, pp. 169—172.
- Istratova, O. N., Èksakusto, T. V. (2017) Predstavleniia o gendernykh i semeïnykh roliakh sovremennykh molodykh muzhchin i zhenshchin [Representations about the gender and family roles of modern young men and women], *European Social Science Journal*, no. 7, pp. 391—400.

- Isupova, O. G., Kon, I. S. (2009) Materinstvo i otsovstvo: Sotsiologicheskii ocherk [Maternity and paternity: a sociological essay], in: Tartakovskaia, I. (ed.), *Gender dlia "chaĭnikov"* — 2, Moscow: Zven'ia, pp. 113—135.
- Khotkina, Z. A. (2016) Pozitivnye izmeneniia zhizni rossiianok v XXI veke [Positive changes in the life of Russian women in the 21st century], in: *Zhenshchiny Rossii, XXI vek: Gendernye issledovaniia*: Sbornik materialov, Moscow: Ėkon-Inform, pp. 21—28.
- Kirilina, A. V. (2004) *Gendernye issledovaniia v lingvistike i teorii kommunikatsii* [Gender studies in linguistics and communication theory], Moscow, Rossiiskaia politicheskaia ěnsiklopediia (ROSSPĒN).
- Kletsina, I. S. (2004) *Psikhologiia gendernykh otnosheniĭ: teoriia i praktika* [Psychology of gender relations: theory and practice], St. Petersburg: Aleteĭia.
- Kletsina, I. S., Ioffe, E. V. (2017) *Gendernye normy kak sotsial'no-psikhologicheskii fenomen* [Gender norms as a socio-psychological phenomenon], Moscow: Prospekt.
- Kon, I. S. (2002) Istoriia i teoriia "muzhskikh issledovaniĭ" [History and theory of "men's studies"], in: Malysheva, M. M. (ed.), *Gendernyi kaleĭdoskop: Kurs lektsii*, Moscow: Akademiia, pp. 188—242.
- Kon, I. S. (2011) Tri v odnom: seksual'naia, gendernaia i semeĭnaia revoliutsii [Three in one: sexual, gender and family revolutions], *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noĭ antropologii*, vol. 14, no. 1 (54), pp. 51—65.
- Konnel, R. (2015) *Gender i vlast': Obshchestvo, lichnost' i gendernaia politika* [Gender and Power: Society, the Person and Sexual Politics], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Kovtun, G. S., Kuperman, A. A. (2017) Gendernye predstavleniia sovremennoiĭ studencheskoĭ molodezhi: (Na materiale g. Vladivostoka) [Gender beliefs of today's college students: (On the materials of Vladivostok)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 53—63.
- Mikliaeva, A. V., Rumiantseva, P. V. (2018) "#Onazhemat": implitsitnye sotsialnye predstavleniia o materinstve v sovremennom internet-diskurse ["#Sheisamother": implicit social beliefs about motherhood in the modern Russian internet discourse], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 67—77.
- Miller, D. (1981) The "sandwich" generation: adult children of the aging, *Social Work*, vol. 26, no. 5, pp. 419—423.
- Nechaeva, N. A. (2015) Gendernye roli [Gender roles], in: Eliseeva, I. I., Siuĭ, A. (eds), *Sem'ia v Rossii i Kitae: protsess modernizatsii*, St. Petersburg: Nestor-Istoriia, pp. 327—351.
- Nechaeva, N. A. (2017) Gendernye idealy molodĕzhi (1999—2014) [Gender ideals of youth (1999—2014)], in: *Peterburgskaia sotsiologiia segodnia*, no. 8, St. Petersburg: Nestor-Istoriia.
- Novyiĭ byt v sovremennoiĭ Rossii: Gendernye issledovaniia povsednevnosti* (2009) [New life in modern Russia: Gender studies of everyday life], St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Okaeva, Ia. I. (2017) Insta-mama kak novaia sotsiokul'turnaia real'nost' [Insta-mama as a new socio-cultural reality], in: Sitnikov, V. L., Burkova, S. A., Dunaevskaia, Ė. B. (eds), *Sem'ia i sovremennyĭ sotsium*, St. Petersburg: Sotsial'no-gumanitarnoe znanie, pp. 163—170.
- Olifirovich, N. I., Zinkevich-Kuzemkina, T. A., Velenta, T. F. (2008) *Psikhologiia semeĭnykh krizisov* [Psychology of family crises], St. Petersburg: Rech.
- Ozhigova, L. N. (2006) *Psikhologiia gendernoĭ identichnosti* [Psychology of gender identity], Krasnodar: Kubanskiĭ gosudarstvennyi universitet.
- Parker, K., Patten, E. (2013) The sandwich generation rising financial burdens for middle-aged, *Pew Research. Social & Demographic Trends*, available from <http://www.pewsocialtrends.org/2013/01/30/the-sandwich-generation/> (accessed 24.07.2018).

- Pierret, C. (2006) Sandwich generation: women caring for parents and children, *Monthly Labor Review*, vol. 129 (September), pp. 3—9.
- Polivanova, K. N. (2015) Sovremennoe roditel'stvo kak predmet issledovaniia [Modern parenthood as a subject of research], *Psikhologicheskaiia nauka i obrazovanie*, vol. 7, no. 3, pp. 1—11, available from <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/163851203> (accessed 10.08.2018).
- Rimashevskaiia, N. M. (2016) Innovatsii, reformy i logika gendernogo vosproizvodstva [Innovations, reforms and logic of gender reproduction], in: *Zhenshchiny Rossii, XXI vek: Gendernye issledovaniia: Sbornik materialov*, Moscow: Èkon-Inform, pp. 9—20.
- Rostovskaiia, T. K., Zaiarskaiia, G. V. (2017) Semeinye ustanovki i semeinye praktiki v sovremennoi rossiiskoi studencheskoi srede [Family attitudes and family practices in the modern Russian student environment], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 75—85.
- Sapogova, E. E. (2017) “Nepusteishchie gnëzda”: roditel'skie sem'i s “det'mi-bumerangami” [“Not becoming empty nests”: parental families with “children boomerangs”], in: Sitnikov, V. L., Burkova, S. A., Dunaevskaiia, È. B. (eds), *Sem'ia i sovremennyi sotsium*, St. Petersburg: Sotsial'no-gumanitarnoe znanie, pp. 170—176.
- Semenova, L. È., Kozhina, E. V. (2014) Netraditsionnye podkhody k issledovaniiu roditel'stva [Nonconventional approaches to a roditelstvo research], *Vestnik Viatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, no. 10, pp. 188—194.
- Sëndberg, Sh. (2017) *Ne boisia deistvovat': zhenshchiny, rabota i volia k liderstvu* [Don't be afraid to act: Women, work and the will to lead], Moscow: Alpina Pabliher.
- Shadrina, A. (2017) *Dorogie deti. Sokrashchenie rozhdaemosti i rost “tseny” materinstva v XXI veke* [Expensive children. Reducing fertility and increasing the “price” of motherhood in the XXI century], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Shisheliakina, A. L. (2015) Femininnost' v diskursivnom prostranstve rossiiskogo isteblishmenta [Femininity in the discursive space of the Russian establishment], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 62—70.
- Shtroo, V. A., Koziak, A. A. (2015) Lichnostnyi smysl balansa mezhdu rabotoi i lichnoi zhizn'iu [Personal sense of balance between work and private life], *Mir psikhologii*, no. 3, pp. 253—267.
- Smirnova, A. V. (2005) Predstavleniia shkol'nikov i studentov o gendernykh roliakh muzhchin i zhenshchin v sovremennom rossiiskom obshchestve [Representations of schoolchildren and students about the gender roles of men and women in modern Russian society], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1—2, pp. 26—33.
- Surkova, I. Iu. (2008) Gendernye stereotipy v povsednevnykh armeiskikh praktikakh [Gender stereotypes in daily army practitioners], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 12, pp. 104—111.
- Szymanski, D. M., Moffitt, L. B., Carr, E. R. (2011) Sexual objectification of women: advances to theory and research, *The Counseling Psychologist*, no. 39 (1), pp. 6—38.
- Tashchëva, A. I., Kireeva, L. E. (2011) Rolevoe povedenie suprugov “dvukhkar'ernogo” braka [Role behavior of spouses of “two-career” marriage], *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal*, vol. 8, no. 4, pp. 44—55.
- Torkunova, O. I. (2015) Narrativnye biograficheskie interv'iu kak metod izucheniia gendernoï sotsializatsii i gendernykh ustanovok [Narrative biographical interviews as a method of studying gender socialization and gender attitudes], *Perspektivy nauki i obrazovaniia*, no. 4, pp. 172—183.
- Uëlldon, E. V. (2016) *Mat'. Madonna. Bludnitsa: Idealizatsiia i obestsenivaniie materinstva* [Mother. Madonna. Whore: The idealization and denigration of motherhood], Moscow: Pero.
- Varga, A. Ia. (2001) *Sistemnaia semeinaia psikhoterapiia* [Systemic family psychotherapy], St. Petersburg: Rech.

- Vul'f, N. (2013) *Mif o krasote: stereotipy protiv zhenshchin* [The beauty myth: how images of beauty are used against women], Moscow: Al'pina non-fikshn.
- Zadvornova, Iu. S. (2014) Differentsiatsiia domashnego truda v rossiiskoi sem'e: gendernye stereotipy i sovremennye tendentsii [Differentiation of domestic work in the Russian family: gender stereotypes and modern trends], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 51—58.
- Zdravomyslova, E., Temkina, A. (2009) Ushel li v proshloe patriarkhat? Spetsificheskaiia vlast' "slabogo pola" [Is the Patriarchate a thing of the past? The specific power of the "weaker sex"], in: Tartakovskaia, I. (ed.), *Gender dlia "chainikov"* — 2, Moscow: Zven'ia, pp. 25—42.
- Zdravomyslova, E. A., Temkina, A. A. (2015) *12 leksiĭ po gendernoĭ sotsiologii* [12 lectures on gender sociology], St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Zdravomyslova, O. M. (2003) *Sem'ia i obshchestvo: gendernoe izmerenie rossiiskoi transformatsii* [Family and society: the gender dimension of the Russian transformation], Moscow: Editorial URSS.
- Gorshkov, M. K., Tikhonova, N. E. (eds) (2002) *Zhenshchina novoĭ Rossii: Kakaia ona? Kak zhivët? K chemu stremitsia?* [The woman of new Russia: What is she like? How to live? To aspire to?], Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia èntsiklopediia (ROSSPÈN).

Статья поступила 16.09.2018 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Клецина Ирина Сергеевна — доктор психологических наук, профессор кафедры психологии человека, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, irinaklyotsina@mail.ru (Dr. Sc. (Psychology), Professor at the Department of Human Psychology, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation).

Иоффе Елена Викторовна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии человека, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, elenaioffe@yandex.ru (Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor at the Department of Human Psychology, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation).